

Фрагмент стелы с изображением „загробной трапезы” с городища Беляус

В 1988 г. при раскопках городища Беляус (северо-западный Крым, вблизи озера Донузлав) был обнаружен отколотый правый нижний угол известняковой плиты с рельефом* (рис. 1). Обломок был использован вторично, судя по тому, что он найден в завале стены помещения № 51, относящегося к скифскому периоду существования городища¹. Хранится в Евпаторийском краеведческом музее, номер по описи Бел. 88/131.

Размеры обломка 0,18 x 0,10 x 0,06 м. Высота рельефа 0,006-0,015 м. Правая и нижняя границы рельефа сохранились, сверху и слева рельеф неровно отбит. Материал — известняк с включением ракушек, вероятно, местный. Поверхность подверглась выветриванию.

На сохранившейся части рельефа изображен стоящий мужчина, лицом влево. Он одет в короткий подпоясанный хитон. В поднятой правой руке он держит наклоненный кувшин, и из него наливает вино в чашу типа канфара, которую держит за ручку в вытянутой левой руке. Слева от виночерпия изображен кратер, от которого сохранилась только правая часть (менее половины). Горло кратера воронкообразное, плечи выпуклые. Нижняя часть кратера на нашем фрагменте не сохранилась, откуда видно, что сосуд имел сравнительно узкий поддон. Поле рельефа окружено бордюром. Справа его ширина 0,022 м, внизу — 0,015 м.

Рельеф этот не имеет ничего общего по манере исполнения с произведениями позднескифской скульптуры² и относится, безусловно, к кругу искусства периферии позднеантичного мира. Изображение на нашем рельефе имеет схематичный и грубоватый характер, без сколько-нибудь тщательной проработки деталей. Подобные черты в искусстве окраинных районов античного

* Выражаю искреннюю признательность начальнику Донузлавской экспедиции ИА РАН О.Д. Дашевской за любезное разрешение опубликовать этот памятник.

¹ О.Д. Дашевская. Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1988 г. (Архив ИИА РАН) 19-20.

² О.Д. Дашевская. Поздние скифы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989, 134, табл. 53; О.Д. Дашевская. Поздние скифы в Крыму. М. 1991, 27-28, табл. 43-45.

мира, далеких от основных центров художественной жизни, появляются еще в эпоху позднего эллинизма и сохраняются в первые века н.э. Наш рельеф был предварительно датирован I в. н.э.³ Возможно, впрочем, что его следует отнести к несколько более раннему времени, о чем речь будет ниже.

Судя по многочисленным аналогиям, наш фрагмент, скорее всего, представляет собой часть надгробного рельефа, изображающего „загробную трапезу” (рис. 2). Такого рода надгробия были очень широко распространены в античном мире на протяжении многих веков. На этих рельефах изображался покойный, возлежащий на ложе, рядом с ним сидящая в кресле жена и обычно фигурки слуг и служанок, изображенные в более мелком масштабе. Фигурка слуги часто помещалась в правом нижнем углу композиции, как и в данном случае. Сразу надо отметить, что среди памятников, близких нашему географически и хронологически, нет полностью идентичных ему. Поэтому следует максимально расширить круг привлекаемых аналогий.

Сюжет „загробной трапезы” в греческом искусстве прослеживается с конца VI в. до н.э.⁴ Происхождение сюжета восточное: наиболее раннее известное изображение пирующего возлежащего на ложе мужчины, рядом с которым в кресле сидит женщина, — это рельеф Ашшурбанипала из Ниневии (середина VII в. до н.э.)⁵. Известны ранние памятники с изображением „загробной трапезы” из Малой Азии (образцы так называемого греко-персидского искусства), в которых проявляются как древневосточные, так и античные черты⁶. С V в. до н.э. этот сюжет используется в малоазийском греческом искусстве⁷.

Первоначально изображения „загробной трапезы” имели в основном вотивный характер и были связаны в первую очередь с культом героев, а начиная с IV в. до н.э. используются также в качестве надгробий, что связано с представлениями о героиза-

³ О.Д. Дашевская. Отчет..., 20.

⁴ R.N. Thönges-Stringaris. Das griechische Totenmahl // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung 80 (1965) S. 3, NN 33, 34, 35, 201; R.M. Gais. Some Problems of River-god Iconography // AJA 82 (1978) 363.

⁵ B. Fehr. Orientalische und griechische Gelage. Bonn 1971, 137, Taf. 1.

⁶ P. Bernard. Les bas-reliefs gréco-perses de Dascyion à la lumière de nouvelles découvertes // Revue Archéologique 1969, fasc. 1, 21; J.M. Dentzer. Reliefs au „Banquet” dans l'Asie Mineure du Ve siècle av. J.-C. // Revue Archéologique 1962, fasc. 2, 195-224; M.J. Mellink. Excavations at Karatas-Semayuk and Elmali, Nycia, 1970 // AJA 75 (1971) 245-255.

⁷ M.J. Mellink. Archaeology in Asia Minor // AJA 82 (1978) 329-330, fig. 9; J.M. Dentzer. Reliefs..., 195-224.

ции умерших⁸, причем с течением времени погребальный характер сюжета начинает преобладать над вотивным и в первые века нашей эры становится, безусловно, господствующим.

Уже в периоды классики и эллинизма сюжет „загробной трапезы” получает очень широкое распространение в материковой и островной Греции⁹ (наряду с рельефами, в восточном Средиземноморье встречаются и скульптурные изображения возлежащих на ложе мужчин, в основном, надгробия), в Малой Азии (см. выше), в Этрурии (здесь этот сюжет применялся в росписях гробниц, в скульптурном оформлении саркофагов, в декоративных терракотовых рельефах)¹⁰.

В Северном Причерноморье известно в настоящее время только несколько памятников, связанных с данным сюжетом, относящихся к VI-II вв. до н.э. Самый ранний из них (конец VI в. до н.э.) — это фрагментированная скульптура, изображающая возлежащего мужчину, по-видимому, часть крышки саркофага, происходящая с азиатского Боспора и имеющая близкие аналогии среди памятников восточного Средиземноморья (сама скульптура местного производства)¹¹. К более позднему времени относятся несколько вотивных рельефов с изображением „загробной трапезы” и группы адорантов. Один такой рельеф, мраморный, IV в. до н.э., найден также на азиатском Боспоре, в Горгииппии¹². Этот рельеф, скорее всего, привезен на Боспор из Аттики¹³. К тому же времени восходит такой же рельеф с Елизаветовского городища в низовьях Дона, происходящий, вероятно, из Малой Азии¹⁴. К IV-III вв. до н.э. относится известняковый

⁸ J.M. Dentzer. Un nouveau relief du Pirée et le type du banquet Attique au Ve siècle avant J.-C. // BCH 94, 86-88; R.N. Thonges-Stringaris, op. cit., 58, 61; F. Cumont. Recherches sur le Symbolisme funéraire des Romains. Paris 1942, 418-419; M. Guarducci. Bryactes. Un contributo allo studio dei „bancetti eroici” // AJA, vol. 66 (1962) 274; И.Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы // СА, 1962, N 1, 287-288.

⁹ R.N. Thonges-Stringaris. Op. cit., passim.

¹⁰ J.P. Small. The Banquet Frieze from Poggio Civitate // Studi etruschi. Ser. II.39 (1971) 25-61; K.M. Phillips. Bryn Mawr College Excavations in Tuscani, 1966 // AJA 71 (1967) 135; А.П. Чубова. Этрусское искусство. М., 1972, 14, 15, 16, 69, 91, 110, 114, 118.

¹¹ Н.П. Сорокина. К вопросу о связях Боспора Киммерийского с восточным Средиземноморьем в архаическую эпоху // Записки Одесского археологического общества, 1 (Одесса, 1960) 304-315.

¹² И.Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы // СА 1962, N 1, 282-289.

¹³ Ibid. 284.

¹⁴ В.В. Лунин. Рельеф с изображением „погребального пир” из Елизаветовского городища // Советское краеведение на Северном Кавказе. 2 (Ростов-на-Дону 1933) 56-65.

рельеф из Керчи, хранящийся в ГИМ (инв. N 18847/2). Судя по материалу, из которого сделан рельеф, он, вероятно, местного происхождения. Мраморный рельеф IV в. до н.э. средиземноморского происхождения найден в окрестностях Херсонеса¹⁵. К середине III в. до н.э. относится мраморный рельеф из Ольвии местной работы с посквятильной надписью коллегии ситонов Герою Внемлющему¹⁶. Ко II в. до н.э. относится надгробие с изображением „загробной трапезы” из Тиры¹⁷. На перечисленных выше вотивных рельефах изображен слуга, черпающий кувшином из кратера или стоящий рядом с кратером с кувшином и чашей в опущенных руках.

В первые века н.э. надгробия с изображением „загробной трапезы” широко распространяются практически по всей территории Римской империи. Памятники такого рода засвидетельствованы в дунайских и балканских провинциях¹⁸, в Германии¹⁹,

¹⁵ В.В. Борисова. Мраморный рельеф // Херсонес Таврический: ремесло и культура. Киев 1974, 14-19.

¹⁶ НО, N 72, 67-68; Е.И. Леви. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985, 89, рис. 82; Ю.Г. Виноградов. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М. 1989, 204-205, прим. 110.

¹⁷ IOSPE I², N 8.

¹⁸ В Нижней Мезии и Фракии: IGBR I, NN 165-196, tab. 49-58; N 221, tab. 64; N 254, tab. 70; N 256, tab. 71; N 271, 272, 274, tab. 74; IGBR IV, N 2292, tab. 145; M. Alexandrescu-Vianu. Le banquet funéraire sur les stèles de la Mésie Inférieure: Schémas et modèles // Dacia 21 (1977) 139-166; G. Bordenache. Temi e motivi della plastica funeraria di età romana nella Moesia Inferior // Dacia 9 (1965) 256-257, fig. 1-10, 12, 15-18, 20-24, 26; Г. Томчева. Сюжетът „погребално угощение” върху паметници от Одесос // Археология (София) 1961, N 4, 18-23; Eadem. Хронологическо развитие на плочите с „погребално угощение” от Одесос // Археология (София) 1964, N 4, 37-46; Г. Митайлов. Антични паметници от Варна и Варненско // Известия на народния музей — Варна, 13 (1977) 146-147, N 4, табл. 1, 4; в Македонии: M. Alexandrescu-Vianu. Les stèles funéraires de la Macédoine Romaine // Dacia 19 (1975) fig. 3, 2, cat. 72; fig. 6, 1, cat. 90; fig. 6, 2, cat. 87; fig. 6, 3, cat. 84; в Ретии, Паннонии, Норике: F. Cumont. Recherches... XLIV, 1; 436, pl. XLIV, 2; 437-438, pl. XLIV, 3, 4; 435, fig. 89.

¹⁹ E. Esperandieu. Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule romaine VII, Paris 1918, NN 5442, 5800, 5838, 5839, 5867; VIII, 1922, NN 5922, 6262, 6264, 6270, 6275, 6279, 6287, 6304, 6328, 6375, 6447-6449, 6451, 6454-6457, 6460, 6463, 6466, 6467, 6469, 6472, 6483, 6489; IX, 1925, NN 6589, 6592, 6594, 6603, 6636, 6638, 6669, 6673; X, 1928, N 7411; P. Noélke. Unveröffentlichte „Totenmahlreliefs” aus der Provinz Niedergermanien // Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn 174 (1974) 545-560.

Галлии²⁰, Британии²¹, Испании²² Северной Африке²³, Италии²⁴, Сицилии (у эллинизированных пунийцев)²⁵, Малой Азии²⁶, Сирии²⁷, Пальмире²⁸.

В Северном Причерноморье в первые века нашей эры такие

- ²⁰ *E. Esperandieu*. Recueil général... I, NN 5, 45, 71, 73, 76, 78, 553, 591, 643; II, NN 1301, 1560, 1666; III, N 1778; IV, NN 2787, 3163; V, NN 4041, 4063, 4097, 4104, 4156, 4158, 4184, 4306; VI, NN 4995, 5057, 5146, 5154, 5155; IX, Supplément, N 6943.
- ²¹ *R.G. Collingwood, R.P. Wright*. The Roman Inscriptions of Britain. Oxford 1965, NN 497, 522, 523, 558, 562, 563, 566-568, 682, 688, 689, 769, 1064, Pl. VIII, IX, XI, XII, XIII, XIV; *J.M.C. Toynbee*. Art in Britain under the Romans. Oxford 1964, 183, 184, 200, 201; *J.M.C. Toynbee*. Art in Roman Britain. London 1963, 159, N 85, Pl. 89.
- ²² Трактовка сюжета здесь своеобразна: покойный изображен сидящим у трехногого столика, имеются также изображения стоящих слуг. Эти стелы бытовали в среде туземного населения. См.: *A. Garcia y Bellido*. Esculturas Romanas de España y Portugal. Madrid 1949, NN 327-330, Lam. 256, 257; NN 332, 333, Lam. 258; N 350, Lam. 263; N 352, Lam. 263. Имеется также изображение пирующих Геллоса и Митры с традиционной трактовкой сюжета: *ibid.*, N 398, Lam. 282.
- ²³ CIL VIII, 2, N 9057; A history of Private Life I, Cambridge, Mass. — London, 1987, 394, Fig. 37.
- ²⁴ *F. Cumont*. Op. cit., pl. XXV, 2; *Fr. Matz*. Antike Bildwerke in Rom. Leipzig 1882, 149, N 3778; *A.H. Smith*. A Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum. London 1904, 357, N 2377; 361, N 2383.
- ²⁵ *D. White*. The Post-classical Cult of Malophoros at Selinus // AJA 71 (1967) 350, Pl. 106, Fig. 25; *B. Pace*. Arte e civiltà della Sicilia antica II, Milano 1938, 167-171, fig. 158, 159, tavv. I, II; *V. Tusa*. La presenza fenico-punica in Sicilia // Phönizier im Westen. Mainz 1982, 105, 106, Taf. 14f.
- ²⁶ MAMA III, Pl. 37, Fig. 114; Pl. 45, Fig. 145; MAMA IV, Pl. 62, Fig. 306; MAMA VI, Pl. 10, fig. 48; MAMA VIII, p. 17, N 97, fig. 97; IGSK Bd. 1, NN 8-12, Taf. IX; IGSK, Bd. 18, 1, NN 34, 39, 42, 48, 71, 72, 76, 78, 80, 91, 93, 94, 128, 132, 138, 146, 162, 165, 167, 170, 173, 182, 187, 189, 196, 213, 218, 232-234, 263, 282, 289, 293-295, 297, 300, 302-304, 307, 308, 310, 321, 324, 325, 332-334, 354, 355, 363-366, 398, 401, 405, 413, 421, 436, 451, 457, 463, 464, 484, 488, 490, 496, 499, 507, 519, 538, 543; IGSK, Bd. 25, N 27; IGSK, Bd. 26, N 57, 65, 92, 122, Taf. X, Abb. 31, 33, Taf. XI, Abb. 34, 35; IGSK, Bd. 32, NN 9, 20, 22, 24, 25, 37, 38, 41, 42, 44, 48, 49, 102-104, 107, 120, 122, 124, 141, 142, 143, S. 94-97, 163-166, Taf. 1, 2, 4; *Arif Mufid*. Erwerbungsbericht des Antikenmuseums zu Istanbul seit 1914 // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 48 (1933). Archäologischer Anzeiger I/II, 127, Abb. II, Inv. 3307; 127-132, Abb. 12, 13, 14, 15, 16; Altertümer von Pergamon VII, 2, Berlin 1908, 258-260, NN 323-327, fig. 323, 324.
- ²⁷ *G. Downey*. Greek and Roman inscriptions // Antioch on the Orontes II, Princeton 1938, 152, N 31, 19; 153, N 35, 41; 163, N 106, Pl. 19; *R. Stilwell*. Catalogue of sculpture // Antioch on the Orontes III, Princeton 1941, 123, NN 345, 347, 349, Pl. 14, 15.
- ²⁸ *H. Ingholt*. Five Dated Tombs from Palmyra // Berytus 2 (1935) 63-64, Pl. XXVI; 70, Pl. XXXI, 3, Pl. XXXII; *M. Rostovtzeff*. Caravan Cities. Oxford

надгробия получили широкое распространение в Херсонесе²⁹ и на Боспоре³⁰, где этот сюжет использовался также в росписях склепов³¹. Одно надгробие (относимое некоторыми исследователями к позднеэллинистическому времени) обнаружено в Ольвии³².

Изображения слуги, наливающего вино из кувшина в чашу, известны в настоящее время только на памятниках IV в. до н.э. из Греции и восточного Средиземноморья³³. На так называемом „саркофаге сатрапа“ из Сидона V в. до н.э. вино наливается в ритон³⁴. Гораздо чаще встречаются на памятниках IV в. до н.э. и эллинистической эпохи изображения слуги, просто держащего в руках (поднятых или опущенных) кувшин и чашу. При этом всегда изображается кратер или динос, из которого на некоторых рельефах слуга зачерпывает вино³⁵. Именно такого рода изображения встречаются, как уже говорилось, на памятниках IV-III вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Но белаяусский рельеф невозможно отнести к IV в. до н.э., несмотря на аналогии. Помимо стилистических особенностей, на его позднее происхождение указывает тот факт, что виночерпий одет в хитон. Это

1932, Pl. XXIII, 1, p. 152; *E. Will*. Le relief de la tour de Kithot et le banquet funéraire à Palmyre // *Syria*. 28 1-2 (1951), 73, fig. 1, pl. VII-VIII.

²⁹ Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев 1976, 7-8, 101, 102-113, NN 323-355; *Г.П. Иванова*. Сцена „загробной трапезы“ на херсонесских надгробных рельефах // *Археология* 23 (Киев 1976) 74-90.

³⁰ *G. Kieseritzky, C. Watzinger*. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin 1909, NN 690, 693, 689, 691, 694, 695, 702, 703, 704, 709, 711, 714, 718, Taf. L, LI, LII; NN 720, 722, 724-726, Taf. LIII; NN 728, 730, 732, 734, Taf. LIV; *Ю.А. Кулаковский*. Две керченские катакомбы с фресками // *МАР*, N 19, 1896, 45-51; *И.Д. Марченко*. Археологическая деятельность государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 40 лет // *Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина* IV (М. 1968) с. 9, рис. 9; *В.Н. Корпусова*. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев 1980, с. 141-143, рис. 2, 3,1; *А.И. Болтунова*. Неизданные надгробия из пантикапейского некрополя // *КСИА* 116 (1969) с. 53, N 5, рис. 13; *Л.И. Давыдова*. Древневосточные мотивы на боспорских надгробных рельефах I-II вв. // *Древний Восток и античная цивилизация*. Л. 1989, 77, 79, 80, 81, 130-132.

³¹ *М.И. Ростовцев*. Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913, табл. 51,6; 55,1; 65,4; 75,4; 88,2; 89,2; 94,1; *Ю.А. Кулаковский*. Указ. соч.; *А.П. Чубова, А.П. Иванова*. Античная живопись. М. 1966, илл. 90.

³² *IRE* I², N 123; *G. Kieseritzky, C. Watzinger*. Op. cit., N 688, Taf. XLIX.

³³ *Altertümer von Pergamon* VII, 2, Berlin 1908, 257-258, N 322, Beibl. 35; *M. Bieber*. The Sculpture of the Hellenistic Age. New York 1955, 154, fig. 655; *E. Esperandieu*. Recueil general... II, N 1301; *R.N. Thönges-Stringaris*. Das griechische Totenmahl, N 78, Beibl. 11,2.

³⁴ *J.M. Dentzer*. Reliefs au „Banquet“..., 210, fig. 6.

³⁵ *R.N. Thönges-Stringaris*. Op. cit., passim.

характерно для эллинистических и римских памятников, тогда как на рельефах IV в. виночерпии изображались обнаженными.

На памятниках римского времени, насколько мне известно, не встречаются изображения слуги, наливающего вино из кувшина в чашу. На памятниках с изображением „загробной трапезы”, происходящих из Херсонеса, ближайшего к Беляусу крупного города, мы, как правило, видим слуг, стоящих без каких-либо предметов в руках, лишь иногда они держат чашу³⁶.

Более близкие аналогии встречены на памятниках Боспора. Там в ряде случаев слуга изображен с кувшином в одной руке и с чашей или кубком в другой³⁷, хотя ни на одном из этих изображений он не наливает вино в чашу.

Слуга с кувшином изображен на некоторых надгробиях из балкано-дунайских провинций³⁸, хотя в основном слуги там представлены без каких-либо предметов в руках, как и на херсонесских надгробиях, которые создавались, несомненно, под влиянием западнопонтийских образцов. На одном надгробии, происходящем из Одессоса, изображен слуга, держащий наклоненный кувшин над большим кратером (угол отбит, от фигуры слуги осталась только рука с кувшином)³⁹.

Изображения слуг с кувшином и, в ряде случаев, с чашей встречаются на надгробиях со сценой „загробной трапезы” из Германии⁴⁰. Слуга с кувшином и чашей в опущенных руках изображен на надгробии из Британии⁴¹.

Изображения кратера на рельефах первых веков нашей эры с изображением „загробной трапезы” встречаются чрезвычайно редко. Помимо указанного западнопонтийского памятника, мне удалось обнаружить только два таких изображения: еще на одном надгробии из Болгарии⁴² и на упоминающемся в примечании

³⁶ Античная скульптура Херсонеса, 102, N 323, илл. 136, 107, N 336. илл. 133, 110, N 344, 345, илл. 140, 141.

³⁷ Л.И. Давыдова. Древневосточные мотивы..., 130, 131, 132; А.П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, илл. 82, 86, 92; М.И. Ростовцев. Указ. соч., табл. 51,6; 55,1; 65,4; 75,4; 88,2.

³⁸ М. Alexandrescu-Vianu. Le banquet funéraire sur les stèles de la Mésie Inférieure, 141, fig. 1, 2; G. Bordenache. Temi e motivi..., fig. 5, 17; Д. Димитров. Надгробните плочи от римско време в Северна България. София 1942, табл. XXX, 102 (слуга с кувшином и чашей); И. Венедиков, Н. Тодоров. Памятники болгарской земли. София б.г., илл. 134.

³⁹ IGBR IV, N 2292, tab. 145.

⁴⁰ E. Esperandieu. Recueil... VII, NN 5800, 5838, 5839, 5867; VIII, NN 6328, 6449, 6469; IX, N 6673; P. Noélke. Unveröffentliche „Totenmahlreliefs”..., 559, fig. 11.

⁴¹ R.G. Collingwood, R.P. Wright. The Roman Inscriptions..., N 689, Pl. XII.

⁴² Д. Димитров. Надгробните плочи..., табл. XXX, 102.

22 митраистском рельефе из Испании. Однако изображения кратеров на этих рельефах значительно отличаются от того сосуда, который изображен на публикуемом памятнике. Ближайшие аналогии дают изображения кратеров на надгробиях из Кизика и его окрестностей, датируемых I в. до н.э. — рубежом эр.⁴³ Очевидно, этим же временем следует датировать и наш памятник. Тот факт, что виночерпий изображен в профиль, также указывает на такую датировку: на памятниках первых веков нашей эры он чаще изображался фронтально.

Итак, рассматриваемый фрагмент рельефа при всех признаках позднего происхождения имеет иконографические черты, восходящие к более ранним образцам. Из более близких к нему памятников (как по времени, так и территориально) наш рельеф наиболее сходен, как указывалось выше, с боспорскими надгробиями первых веков нашей эры, хотя полных аналогий нет. Однако мы видим, что на Боспоре обнаружены наиболее ранние в Северном Причерноморье памятники с изображением „загробной трапезы”, относящиеся как раз к тому времени, когда изображения виночерпия, наливающего вино в чашу, встречались довольно часто. Правда, дошедшие до нас боспорские рельефы таких изображений не имеют, но мы видим по памятникам Средиземноморья, что изображения виночерпия, просто держащего кувшин и чашу и наливающего вино, сосуществуют в одно и то же время, на рельефах одного круга.

Тот факт, что на боспорских надгробиях и росписях склепов римского времени часто встречается изображение слуги с кувшином и чашей (или стеклянным графином и стаканом) говорит о сохранении здесь ранних традиций в трактовке сюжета „загробной трапезы”. Устойчивость в боспорском искусстве римского времени ранних греческих традиций при значительной трансформации стиля и техники отмечалась исследователями⁴⁴. Отмечавшееся выше сходство нашего рельефа с памятниками Кизика не противоречит в принципе предположению о его связи с искусством Боспора, так как Боспор был тесно связан с Малой Азией⁴⁵, к тому же Кизик расположен как раз на морском пути из Черного в Средиземное море. Есть свидетельства, что боспоряне плавали в Средиземное море именно вдоль малоазийского

⁴³ IGSK, Bd. 18,1, NN 80, 282, 295. Горла кратеров на этих рельефах имеют воронкообразную форму, плечи выпуклы, ручек нет. Судя по тому, что осталось от изображения кратера на нашем рельефе, он был примерно таким же.

⁴⁴ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, 119, 131, 132.

⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949, 465-466.

побережья.⁴⁶ Вряд ли можно предполагать, что небольшое скифское поселение поддерживало самостоятельные связи с Малой Азией, в то же время известно, что у позднескифского государства были оживленные политические, экономические, культурные связи с Боспором на протяжении веков⁴⁷.

Итак, наш памятник связан, скорее всего, с искусством Боспора. Можно, я думаю, предположить, что он был изготовлен на месте мастером боспорского происхождения. Влияние боспорского искусства прослеживается и на других памятниках северо-западного Крыма. На расположенном неподалеку от Беляуса некрополе городища Джан-Баба обнаружено надгробие, датированное рубежом II-III вв. н.э., относящееся к кругу позднескифских памятников. Оно имеет при этом явные черты сходства с боспорскими надгробными стелами⁴⁸, а также несет на себе надписи на греческом языке⁴⁹: и то и другое говорит об эллинизации позднескифского населения. Таким образом, и бытование в скифской среде чисто греческого (насколько можно судить по нашему фрагменту) надгробного памятника не является изолированным фактом, а вписывается в общую картину, причем наш памятник свидетельствует, возможно, о том, что в позднескифском обществе продолжали жить и отдельные греки, и это подтверждается разнообразными материалами, в первую очередь, надписями, Неаполя скифского⁵⁰.

П.Д. Диатроптов
Государственный исторический музей, Москва

⁴⁶ *Plin. Epist. Traj. 63; 67.*

⁴⁷ *Ю.Г. Виноградов.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикалея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ 1987, N 1, 55-87; *О.Д. Дашевская.* Поздние скифы, 129, 134, 137, 138; *И.Н. Храпунов.* Поздние скифы на Днепре и в Крыму. М. 1987, 18.

⁴⁸ *А.Н. Шеглов.* Северо-западный Крым в античную эпоху. Л. 1978, 52-53, рис. 21; *П.Н. Шульц.* Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ 3 (1963) 8-10.

⁴⁹ *Э.И. Соломоник.* Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ 3 (1963) 10-15; ср. также *С.Р. Тогтасьев.* // ВДИ 1988, N 3, 168.

⁵⁰ *IRE 1², NN 668-673; О.Д. Дашевская.* Указ. соч., 137-138; *Э.А. Сымонович.* Население столицы позднескифского царства. Киев 1983, 113, 119.

The Fragment of a Stele Depicting a Funeral Banquet from Northwestern Crimea

A fragment of limestone relief representing a man standing near a krater and filling a cup with wine has been found at the late-Scythian settlement of Bel'aus (northwestern Crimea) in a stratum dating to the first century A.D. The representation is rather crude and schematic in style. It is most probably a remnant of stele depicting a so-called funeral banquet. This subject was very widespread throughout the ancient world for about a thousand years, beginning in the sixth century B.C. Originally such reliefs were votive, afterwards they were used as tombs.

There are no exact analogies to the fragment found among monuments that are close to it geographically or chronologically. Therefore the analogies that will be used are, necessary, drawn from remote regions and distant epochs.

Representations of a servant pouring wine from a vessel into a cup can be found only on monuments of the fourth century B.C. from Greece and the Eastern Mediterranean. However the most frequently occurring type in that period is a representation of a servant simply holding a vessel and a cup in his hands. In both cases the vessel is always a krater. The author is not aware of any Roman monuments that represent a servant pouring wine. Reliefs with funeral banquets from Chersones, the big city nearest to Bel'aus, usually have servants holding nothing in their hands or only a cup, but not pouring from it. A number of monuments from the Bosphorus show a close resemblance: they depict a servant holding a vessel in one hand and a cup or bowl in the other. Though none has a servant pouring wine into a cup, one can suppose that images with and without wine being poured coexisted. Such coexistence is documented by monuments of the fourth century B.C., and it is typical for Bosporan art to retain many schemes of the Classical and Hellenistic epochs, although the style is significantly altered. The Scythians of the Crimea had various contacts and connections with the Bosphorus over the centuries. The influence of Greek culture on late Scythian society was quite palpable. The monument published here testifies either to use by the Scythians of Greek-style tombs or to the presence within late Scythian society of some Greeks retaining Greek tombs. Both possibilities agree with data from other sources.